

Глава первая

Рыба была раздувшаяся и бугристая. Похожая на изъеденную коррозией глубинную бомбу. Даже во сне я сильно встревожилась: а ну как сейчас рванет?

Но рыба вела себя беспокойно. Плавники у нее так и ходили, и шевелились губы, похожие на шлепанцы из алой резины. У моей Сашки точно такие же... Не губы, конечно, а шлепанцы!

Я решила, что есть серьезный повод проснуться. Вдруг это красный сигнал подсознания о том, что у дочки проблемы? Тогда нежеже матери-кукушке спать, как сурок. Пусть даже мать-сурок, тьфу, кукушка, легла лишь под утро, засидевшись над материалами очередного дела.

Прояснить ситуацию с губами-шлепанцами на месте, во сне, не представлялось возможным: рыба артикулировала энергично, но беззвучно. А допрашивать в качестве свидетеля подсознание и пробовать не стоило. Я — судья, а не психоаналитик.

Усилием воли вынырнула из глубокого сна, и тут же включился звук. Кто-то или что-то протяжно выло.

Я с трудом разлепила веки — и к звуку прибавилась картинка.

Ой, мама, что это?!

Надо мной кривилась и всхлипывала опухшая и перекошенная физиономия с губами, точно в стиле Сашкиной пляжной обуви. Рыба, да и только. Глаз за припухлостями и синяками не было видно. Однако они, очевидно, имелись, потому что мое пробуждение не осталось незамеченным. Физиономия перестала неинформативно всхлипывать и относительно внятно провыла:

— Ле-е-енка! Памахиии!

Я еще успела подумать, что плаксивому чудищу очень не повезло. К такой-то наружности да и дефекты речи! А потом в мозгу у меня строго стукнул молоточек, и все встало на свои места.

Первое, меня назвали по имени.

Второе, слезно просили помочь.

Третье, голос был женский и очень хорошо знакомый.

— Натка?!

Я, по-моему, даже подпрыгнула, одеяло свалилось на пол, я пошарила рукой и потянула его на себя, не отводя глаз от чудища. Но тут же малодушно зажмурилась и даже немного отползла назад.

Заметив мой произвольный маневр, сестрица взвывла громче и горше:

— Я такая стра-а-ашная, да-а-а?

— Смотря с кем сравнивать, — пробормотала я с неуместной в данной ситуации честностью.

Но тут же опомнилась:

— Что случилось, Нат?! Что это с тобой?! Тебя били?! Кто, когда?! Полиция побои зафиксировала? Ты на чем приехала? Давай срочно в травмпункт, я с тобой...

— Ы-ы-ы! — прорыдала сестрица и рухнула в постель рядом со мной.

Постепенно кое-что прояснилось.

Спрятав в подушку то место, где раньше у нее было лицо, Натка рыдающим голосом изложила свою историю. Она была банальна и трагична одновременно.

Моя сестрица — дама приятная во всех отношениях, по этой причине так называемая «личная жизнь» у нее на редкость бурная. Иногда я ей завидую — сколько сил у человека, а энтузиазма еще больше!.. Кавалеров она меняет как перчатки: одни стянула, голыми руками цепко схватила другие, надела — и пошла красоваться, походя поглядывая, не попадет ли ей пара еще лучше. Обычно этот процесс имеет характер конвейерно-поточного, но в нем случаются и технологические паузы. Очередной простой между романами слегка затянулся, и Натка решила использовать время с умом. Взяла на работе от-

пуск, сослала сына Сеньку в деревню и отправилась в разрекламированную клинику — добавлять себе красоты.

— Ну, контур лица подправить, носогубки убрать, веки подтянуть — сама понимаешь, в моем возрасте уже пора, — объяснила свои мотивы сестрица.

— В самом деле? — озабоченно пробормотала я, непроизвольно взглянув в зеркало.

В зеркале ничего хорошего не показывали — моя собственная комната, разгромленная кровать, тоже собственная, и моя же личная физиономия, по утреннему времени довольно помятая, прямо скажем.

Натка — моя младшая сестра. Если ей уже пора, то мне и подавно, так?

Я пожала плечами и помотала головой. И мое отражение в зеркале тоже пожало и помотало — мол, нет, не пора, ты что, ты еще молодая! И потом, откуда у нас время и деньги на такие забавы?

— И ты сделала пластическую операцию. — Я подвела итог и профессионально не затруднилась вынести безжалостный вердикт:

— Натка, ты дура! Куда ты пошла, где тебя резали? И кто? Ученик мясника?

— Мам, ты че? — В комнату заглянула Сашка. — Шас все улучшаются, повально! Ты бы вон «Инстаграм» открыла! Любая бьюти-блоггерша тебе популярно все объяснит.

Защитник явился, ага. В руке у «адвоката» был большой прозрачный стакан с неаппетитным месивом бурого цвета. На лице — мозаика слабого сочувствия и острого любопытства.

— Чтоб ты знала, это страшно известная клиника! — вынырнула из подушки обиженная Натка. — «Идеаль Бьюти» называется. Ее сейчас на каждом шагу рекламируют, я видела кучу роликов и целую телевизионную передачу с участием, между прочим, звезд эстрады и кино!

— Она еще верит в рекламу по телику! В ее-то возрасте! — Сашка закатила глаза, да так и ушла в кухню. А там сослепу смачно врезалась в табуретку и выругалась от души.

— Александра, будешь мыть рот с мылом! — Я повысила голос.

Надо бы наказать, но я только тяжело вздохнула.

Четырнадцатилетняя дочь — это карбонарий в мини-юбке. Мать для нее давно не авторитет, а теперь вот и любимая тетя себя дискредитировала.

— Портишь мне всю педагогику, — попеняла я Натке и осторожно погладила ее по голове — мало ли, может, она волосы тоже... улучшила. — Ладно... Так чего теперь делать-то? Это вообще поправимо?

— Это? — сестрица обвела в воздухе новый контур своего лица.

Ох, елки-палки!..

Раньше Наткино лицо было овальным, вполне симпатичным, теперь получилась не описанная в геометрии фигура, вроде кривого мыльного пузыря.

— Это должно быть поправимо, — с нажимом выговорила Натка. — Надо только найти действительно хорошую клинику. И еще деньги на новую операцию.

— А нельзя ли с учетом полученного результата, который вряд ли соответствует запланированному, вернуть ту сумму, которую ты заплатила этим резчикам-закройщикам в «Идеаль-как-то-там»? — спросила я.

— «Идеаль Бьюти». Можно просто клиника «Бьюти», они там между собой ее так и называют, чтобы отстраниться от конкурента с похожим названием. — Натка слезла с кровати, затопала по полу в поисках тапок. — Мне срочно нужен кофе с коньяком. Или просто коньяк, без кофе.

— А мне нужно, чтобы ты не оказывала дурного влияния на моего ребенка! — зашипела я. — А моя дочь, между прочим, твоя племянница! Какой коньяк в семь утра?! Кстати, а почему ты к нам в такую рань?

— Ехала по темноте, чтобы народ не пугать.

— Могла просто позвонить, я бы сама к тебе приехала.

— Ты что? — Натка возмутилась. — Я не могла в таком виде оставаться дома! Вдруг заглянет кто-то из друзей-знакомых, проверка какая-ни-

будь из ЖЭКа явится или соседка припрется, она вечно зарядник свой теряет! Нельзя, чтобы люди видели меня такой!

— А мы, значит, не люди! — издали ехидно заметила Сашка.

— Спокойно. — Я зашла в кухню и укоризненно взглянула на дочь.

Заодно посмотрела, чем она завтракает. Той самой подозрительной коричневой бурдой и еще чем-то белым из баночки.

А ведь буквально на прошлой неделе моя девочка с удовольствием уплетала сладкую овсянку на молоке с вареньем, изюмом и молотыми орехами! У нас даже своя семейная шутка по этому поводу была.

Я голосом английского дворецкого чопорно спрашивала: «Овсянки, сэр?» — а Сашка отвечала, как Джеймс Бонд: «Смешать, но не взбалтывать!»

Но теперь сплошной «Брекзит»! Машины добрые советы и рецепты у дочери не в чести, зато пубертатная дива Анфиса Гривцова, первая красавица восьмого «Б», стала признанным авторитетом и гуру во всем, включая вопросы питания. И ладно бы дочь просто изменила свое меню. Так нет же! Она устроила из этого очередную революцию с демонстрациями протеста и программными заявлениями. Только нынче ночью, заглянув в холодильник в поисках чего-нибудь, способного успокоить и подпитать мой утомленный,

возмущенный и закипающий разум, я нашла на полке манифест.

«А кто сожрет смузи из сельдерея со шпинатом, сам побежит ночью в круглосуточный магазин на проспекте! Спорт-френдли!» — явно адресуясь старушке-матери, написала моя непочтительная дочь.

А, так это в баночке — сельдереево-шпинатный смузи. Ладно, не худший вариант.

— То есть ты пока не собираешься к себе возвращаться? — я обернулась к Натке.

— Да, поживу у вас немножко. Не прогоните? — сестрица попыталась состроить жалобную мордочку.

Получилось просто жутко. Будь среди нас чудовище Франкенштейн — бросилось бы к Натке с распростертыми объятиями и радостным криком: «Узнаю брата Колю!» — как в бессмертном романе классиков советской сатиры. Там братьев зовут как-то иначе, но суть... именно такая... Суть в том, что моя сестра собирается со мной жить!

— Конечно, поживи, сколько нужно, — слегка поежившись, ответила я. — Можешь спать в моей комнате, кровать большая, мы обе поместимся.

— Ой, совсем как в детстве! — растрогалась сестрица. — Тогда я распакую чемодан!

И, всхлипывая, поволоклась в прихожую. Мне показалось, что в кухне стало немного тем-

нее — переливы Наткиных синяков, рубцов и фингалов на самом деле отражали свет.

— Мам, ты уверена? — взрослая мудрая дочь скептически посмотрела на неразумную родительницу. — Представь, проснешься ты среди ночи — а на соседней подушке вот такое!

— Я буду на ночь косметическую маску надевать! — пообещала чуткая Натка из прихожей. — Тканевую, с пропиткой из целебных масел и трав.

— Маска, маска, я вас знаю, — фыркнула Сашка и залпом допила свою бурду. — Все, пока, я побежала!

Дочь умчалась в школу.

Оставшись на кухне в одиночестве, я быстро проинспектировала холодильник. Как обычно, там было просторно, если не сказать прямо — пусто. А ведь теперь нас трое, причем Сашка и Натка захотят пообедать. Я тоже захочу, но меня спасет служебная столовая, а вот девчонкам надо бы что-то оставить... Хотя бы руководящие указания.

— Натка! — позвала я. — В морозилке есть овощная смесь и полкурицы, можешь сварить суп.

— Это вопрос, совет или распоряжение?

Приободившаяся сестрица выглянула в коридор из нашей отныне общей спальни, и я фыркнула, как недавно Сашка:

— Маска, маска, я вас знаю!

Натка уже надела маску. Не косметическую, которая была запланирована на ночь, а обычно-

венную медицинскую. Губы-шлепанцы она милосердно скрыла — и на том спасибо.

— Это настоящая рекомендация, — ответила я в продолжение разговора о супе. — И еще неплохо было бы кому-нибудь сходить за хлебом, молоком и йогуртом, потому что я могу вернуться поздно, когда магазинчик в соседнем доме уже закроется.

— Не переживай, мы что-нибудь придумаем, не маленькие, — отмахнулась сестрица. — Ты лучше поразмысли, чего теперь нам делать-то. Ты же — судья! Ты кого хочешь засудишь, а их, сволочей этих, нужно судить самым страшным судом! Тебе нужно их засудить на фиг, лучше пожизненно!

— Спихватилась, — буркнула я.

В ванную мне нужно, и на работу, а не выслушивать всякие глупости о том, кого и как я должна судить.

Вы мне еще про «не суди, да не судим...» расскажите!

Я остервенело чистила зубы и прикидывала план дальнейших действий — понятно, что Наткину проблему придется как-то решать, и это досталось именно мне.

Я наспех намазала лицо кремом, распахнула дверь и крикнула в сторону комнаты:

— На-ат! Тебя в этой клинике оперировали официально? С договором, с оплатой по прайсу?

— Конечно! Я же не полная идиотка!

Я удержалась и смолчала.

Перешла к самому главному. Спросила по существу:

— Твой экземпляр договора у тебя? Дай сюда, я изучу этот исторический документ.

Натка шустро метнулась в прихожую, сняла с вешалки свою сумку, извлекла из нее тонкий пластиковый файл с бумагами. Вручила его мне со льстивыми словами:

— Хорошо, когда сестра — юрист!

— Хорошо, когда сестра-юрист подключается вовремя, — поправила я. — На стадии строительства наполеоновских планов, а не после Ватерлоо!

— Какого еще ... Ватерлоо? — опешила Натка.

— А никакого, — пробормотала я.

И затолкала сестрицыны бумаги в сумку вместе со своими.

У меня разной ценной макулатуры полным-полно. Что ни дело, то пухлый том. Те, кто говорит, что прошли времена, когда Россия была самой читающей страной в мире, упускают из виду работников отечественной судебной системы. Наш судья — самый читающий судья на планете и в ближнем космосе!

Помню, когда я только приступила к работе в Таганском суде, в наследство от предшественника мне досталось два десятка дел. Каждое — минимум в трех томах! С тех пор я обеспечена чтивом, которое никогда не заканчивается.

Я читаю и на работе, и дома. Специально сменила солидный кожаный портфель на невосомую компьютерную сумку из плащовой ткани, чтобы руки не отрывались от тяжести бумажного груза.

«Страшные сказки на ночь» — так называет это судейское чтиво моя милая язва, родная дочь.

Зато мне не нужны никакие курсы скорочтения, соответствующий навык я приобрела самостоятельно. И совершенно бесплатно, что очень важно, ведь по части размера вознаграждения за свой труд российский судья тоже один из самых-самых...

Сашка недавно выкопала в Интернете информацию о величине средней заработной платы вершителей правосудия в разных странах. Так Россия в нем на сорок первом месте! Из сорока восьми. А лидер — Шотландия.

Эмигрировать, что ли? Роберт Бернс, вересковые пустоши, флаги на башнях, всякое такое... И судят там, наверняка, в старинных замках! Идешь себе по изумрудной траве в мантии, парике и бонете, а под мышкой алый бархатный бювар, и вокруг кусты роз, и сеет мелкий дождь из низких облаков, которые цепляются за шотландские горы, красота!

Увы, у меня был не алый бархатный бювар, а объемистая увесистая сумка, с которой я чувствовала себя почтальоном Печкиным. Это кто стучит ко мне, с толстой сумкой на ремне? Это он, это

он... Печкин, старый почтальон. Без пяти минут пенсионер с искривленным позвоночником и плечами одно другого выше. Вот это и есть настоящая профессиональная деформация. Мне-то до пенсии еще далеко, но перекошенные плечи с таким спортивным снарядом, как неподъемная сума с макулатурой, я себе, пожалуй, уже организовала, как и боль в спине.

Поясница у меня ноет регулярно и сильно. Кто знает, что это такое, тот поймет...

Настроение, и без того небезоблачное, стремительно портилось.

Уже выйдя из дома, я вспомнила о том, что до сих пор мое подсознание милосердно прятало в своих глубинах: сегодня мне придется добираться на работу на общественном транспорте.

Ой-ой, а я ведь думала вечером заехать в клинику, где изуродовали Натку, и провентилировать там вопрос возврата денег. А теперь, значит, придется отказаться от этого благого намерения. Или ехать через весь город на метро, а потом еще на маршрутке.

Все-таки нас, людей, природа устроила лучше, чем мы — наши собственные творения, я имею в виду машины и механизмы. Возьмем, к примеру, для сравнения меня и мою любимую «Хонду». Доктор, к которому я обращалась по поводу начинающегося гастрита, настаивает, чтобы я ела тушеную телятину, отварную форель и котлетки из индюшатины, запивая их козьим

молоком или киселем из протертой малины. А я закидываюсь магазинными пельменями, если, конечно, случится такое счастье, и они найдутся в холодильнике. Или варю супчик из замороженных овощей на бульоне на букву «К». Не из курицы — из кубиков. Курица — это роскошь.

...Интересно, сварит Натка супец или нет?..

А вот моя «Хонда». Ей в идеале нужен хороший дорогой бензин. На плохом дешевом она соглашается ездить недолго и очень скоро оказывается на больничном в автосервисе. Если же денег у меня в кошельке хватает только на пельмени, машинке приходится и вовсе давать выходной. На бульоне из кубиков она работать не умеет, а жаль...

За этой прискорбной философией я и скоротала дорогу до работы. Очнулась только когда слышала:

— О чем задумалась, Елена Прекрасная?

Ого, как я углубилась в размышления! Целого председателя суда в коридоре не заметила! А он вот и поприветствовал меня, и даже подмигнул...

Небывалый случай! Обычно Плевакин со мной чинно здоровается. Мне бы насторожиться, но я не почувствовала ничего недоброго. Как видно, подсознание с интуицией полностью выложились на вещий сон о губастой рыбе.

— Доброе утро, просто настраиваюсь на работу, — уклончиво ответила я, слепо тыча ключом в дверь своего кабинета.

Собственная пухлая сумка с бумагами загромождала мне вид на замочную скважину. К счастью, оказалось, что дверь уже открыта — мой помощник Дима, он же Гарри Поттер, вновь чудесным образом прибыл на работу заблаговременно. И как это у него получается? На метле он летает, что ли? Я вот вечно опаздываю.

— Не торопись, Елена Владимировна, — из коридора остановил меня Плевакин. — Задержись на пару слов.

— «Вы уволены»? — предположила я и на миг даже возрадовалась открывшейся перспективе.

Никаких больше пухлых томов, статей, показаний, определений, выдержек, постановлений и мер наказания.

Никаких бессонных ночей и красных от перенапряжения глаз.

Никаких бубнящих адвокатов, галдящей публики, врущих свидетелей, вздыхающих обвиняемых и их истерящих родственников.

Буду сидеть в тишине уютной квартиры, спать до полудня и варить полезные овощные супы... Хотя нет, не из чего мне будет их варить без скромной судейской зарплаты.

— Я тебе дельце отписал, посмотришь там, — шеф кивнул на дверной проем, в котором уже нарисовался, как всегда, безукоризненно одетый и причесанный Дима в поттеровских круглых очочках. — Очень любопытное дельце, как специально для тебя. Ты же у нас... как бы это...

главная красавица и специалист по этим... так сказать... вопросам.

— Да? — я удивилась, но председатель не уловил моей тонкой иронии, принял сказанное за согласие и с чистой совестью удалился.

— Гадость, небось, какая-нибудь, раз Плевакин меня лично предупредил? — войдя в кабинет и закрыв за собой дверь, спросила я помощника.

Он тонко улыбнулся.

— Значит, гадость, — уверенно сказала я и прошла к себе. — Давай, тащи уже это «любопытное дельце», посмотрю, что за счастье мне привалило на этот раз. Главная красавица, как же! С чего бы?

Хм, хм, а ведь было с чего!

Памятливый шеф, в отличие от меня, не забыл, что год назад я рассматривала дело с участием клиники пластической хирургии «Эстет Идеаль». Нет, я помнила собственно дело, просто название клиники запомнила, иначе уже общилась бы его Натке. Специалисты «Эстет Идеаль» произвели на меня самое приятное впечатление. Особенно самый главный спец, он же директор клиники — профессор Васильев.

Что ж, спасибо шефу за своевременное напоминание.

Я позвонила Натке и авторитетно сказала:

— Клиника «Эстет Идеаль» — вот куда тебе нужно.

— Была я уже в одном «Идеале», — засомневалась сестра.

— Это был неправильный «Идеаль». А этот — правильный, гарантирую.

— Идеальный? — хихикнула Натка.

Похоже было, что ее настроение немного улучшилось. Надежды — они не только юношей питают.

— Дим, сделай мне кофе! — в тему питания прокричала я в приемную и через полминуты услышала деловитое ворчание кофемашины.

Жизнь налаживалась.

У Нади было простое и понятное видение мира: он делился на медицину — и что-то другое. При этом медицина была важнее и значительнее, чем все остальное, так что о выборе профессии Надюша не задумывалась и в тридцать девятом году поступила в медицинский институт в Краснодаре, где жила ее тетьа.

Училась она на отлично, но закончить вуз не смогла. В сорок первом институт эвакуировали, и Надежда с тетей тоже уехала с Кубани, а когда вернулась после войны, встретила Андрюшу.

Андрей воевал. В сорок третьем получил тяжелое осколочное ранение и год провел в госпиталях, где проникся глубочайшим уважением к медикам, вернувшим его к жизни.

Восстанавливался он тяжело, домой пришел неузнаваемым: сорок шесть кило веса при росте сто восемьдесят сантиметров, руки-ноги перебиты... Качаясь на костылях, Андрей брел по

знакомому двору, и мама, увидевшая его с крыльца, не признала родного сына, запричитала: «Ой, где-то и мой бедный мальчик так скитается!»

В сорок шестом Андрюша и Наденька поженились. Свадьбу играли во дворе, позвав всех соседей. Андрей добыл кусок мяса, наварили борща, он и стал главным свадебным блюдом. В те времена наваристый кубанский борщ, да с мясом — это была настоящая роскошь.

Жили после войны бедно. Надя по-прежнему мечтала о медицине, но родилась дочь, и стало вовсе не до учебы.

Дом, работа...

Мечта так и осталась мечтой.

Мишаню Надя родила в пятидесятом. Аккурат в середине прошлого века!

Много всего тогда случилось.

В том же пятидесятом восстановили смертную казнь для «шпионов, изменников и диверсантов». Заключили Договор о дружбе с Китайской Народной Республикой. Начались компания по укрупнению колхозов, война в Корее и судебный процесс по сфабрикованному «Ленинградскому делу».

В пятьдесят втором открылся Волго-Донской судостроительный канал имени Ленина и прошел XIX съезд, на котором ВКП(б) переименовали в КПСС.

В пятьдесят третьем умер Сталин, сообщили об испытании водородной бомбы, заключили

перемирие в Корее и избрали Первым секретарем ЦК Хрущева.

В пятьдесят четвертом передали Украине Крым, ввели в действие первую атомную электростанцию, и на Пленуме ЦК КПСС принято решение по освоению целины.

В пятьдесят пятом создали Организацию Варшавского Договора и отправили в Антарктику первую советскую экспедицию.

В пятьдесят шестом разоблачили культ личности, сократили армию, повысили пенсии и поставили на регулярные рейсы реактивный пассажирский Ту-104...

Большая страна жила бурно.

А Мишаня просто рос.

Ему запомнилось это время, как самое прекрасное, потому что это было детство.

Да много ли надо для счастья мальчишке?

Есть дружная семья — папа, мама, две сестры. Солнце светит, небо ясное, в перенаселенном дворе-стохатке на улице Седина не бывает ни тихо, ни скучно. Парусят на веревках штаны и простыни, в пыли под ногами желтеют кляксы падалицы с алычи, и процесс добычи воды из водоразборной колонки полон героического романтизма. Потянуться, ухватить горячую железную ручку, повиснуть, кряхтя лечь на нее пузом, и тогда под скрип рычага в недрах скважины гулко охнет, забурчит и вывалится из крана тугим стеклянным столбиком ледяная вода... Хорошо в Краснодаре!

А в Саратове еще лучше. В Саратове у мамы есть старшая сестра, которая — удивительное дело! — и по должности старшая сестра в тубдиспансере, медицинская, так это называется. А какое здесь замечательное место!

Маленький Мишаня там дневал и ночевал. Тубдиспансер, конечно, не самая подходящая площадка для игр ребенка, но девать пацаненка было некуда. А в медучреждении ему, как близкой родне большого начальства — целой старшей медсестры, — обеспечивали замечательную развлекательную программу. Процедуры, раздача лекарств, уколы... Было очень интересно!

Тогда-то и потянуло Мишку к медицине.

Хотя — нет, в мальчишке она была заложена. Силой маминого желания, которая по-прежнему всех вокруг делила на врачей и остальных, и первые были больше, чем люди, чуть ли не боги. Детям своим Надя желала только самого лучшего, в мечтах своих видела их исключительно в белых халатах. И Мишаня, разумеется, закончил медицинский.

Он был лучшим студентом на курсе, будущим хирургом — непременно хирургом, это даже не обсуждалось! А еще пятикурсник Михаил был счастливым женихом. Ему для полного счастья только денег на свадьбу не хватало. Ведь какие заработки у студента-практиканта?

Восьмидесятый год, районная больница в кубанской станице. Главврач собрал молодых специалистов и сказал: «Ребята, у меня остался

один стоматолог, Марья Павловна, прекрасный врач круглых шестидесяти лет. Опыт у нашей Марьи Павловны могучий, а вот зрение и руки уже слабые, так что людям, извините, зубы драть некому. Кто хочет заработать? Зарплату дам хорошую — сто рублей». И Мишка сразу поднял руку: «Я хочу!»

Так и пошло: хирургическая стоматология, потом челюстно-лицевая хирургия, операции по устранению последствий травм, эстетическая хирургия лица и шеи... Мишаня вырос в большого специалиста — практикующего доктора медицинских наук, профессора, завкафедрой медицинского университета, «Заслуженного врача РФ», «Отличника здравоохранения» и лауреата разных профессиональных премий. И даже занимая видные посты — он много лет был главным врачом областной клинической больницы, а еще и поддепутатствовать успел, — Михаил Андреевич Васильев не прекращал оперировать.

Попасть к нему больные считали за счастье. «Хирург от бога» — говорили про Васильева. А он твердо знал — не от бога, от мамы.

Операции Михаил Андреевич делал уникальные. Реконструировал лица, казалось бы, непоправимо поврежденные при авариях и катастрофах. Складывал, как мозаику, лепил заново. Перенял опыт француза Девошеля, который сделал первую в мире трансплантацию лица. А когда по

возрасту вышел на пенсию и оставил и руководящую должность в областной больнице, и практику там же, нашел инвестора и открыл свою собственную клинику. Модную, современную, но с традиционно серьезным научным подходом даже к самым пустяковым проблемам, вроде недостаточно пухлых губ или воображаемых морщинок.

Клиника «Эстет Идеаль» очень быстро заслужила добрую славу, от пациентов не было отбоя. Конечно, большую их часть составляли дамочки, желающие подправить тот или иной, как им казалось, дефект внешности.

«Попса» — так профессор Васильев называл в кулуарах неизменно востребованные операции, вроде подтяжки бровей, увеличения груди, пересадки волос и тому подобные. Это не мешало ему относиться и к такого рода вмешательствам со всей ответственностью: операция — это всегда операция. Дело серьезное. Хиханьки-хаханьки тут неуместны. Пусть пациент порадуетя позже, глядя в зеркало. Доктору же и вовсе веселье ни к чему, ему достаточно профессиональной гордости и душевного спокойствия.

Однако не все пациентки оставались довольны результатами проведенных им операций. За человеческой фантазией никакому скальпелю не поспеть. Бывает, придумает себе гражданочка новое лицо, а доктор не попадет в мечту-идею пациентки и вылепит не совсем такое. Ну, док-

тор — он же не волшебник, не с каждой красотой может справиться. А это разочарование, обида! Претензии. Иногда даже скандалы.

Гражданка Сушкина Элеонора Константиновна в грезах видела себя вечно юной красоткой с гладким фарфоровым личиком, точеным носиком, большими сияющими глазами и яркими губами выразительной формы «лук Купидона». В восемнадцать лет она такой и была. Но от восемнадцати до пятидесяти восьми, увы, дистанция огромного размера...

«Эстет Идеаль» была не первой и даже не десятой по счету клиникой, куда Элеонора Константиновна обращалась, чтобы вернуть себе былую красу. Раз за разом результат ее устраивал все меньше. Хирурги работали добросовестно, но волшебной палочкой не обладали. При этом были честны и заранее рассказывали пациентке о том, в чем заключается предстоящая операция, каким будет послеоперационный период и на какие результаты можно рассчитывать, а чего не удастся достичь никогда.

Элеонора Константиновна упорно пропускала реалистичные прогнозы мимо ушей. Она жаждала сказочных метаморфоз, поворота времени вспять, неуходящей молодости.

— Скальпель, милочка, это не средство Макропулоса, — сказал ей профессор Васильев. — Но я обещаю, что после операции вы будете выглядеть на пятнадцать лет моложе.

Элеонора Константинова предпочла засчитать каждый обещанный год за два с половиной. Это была ее личная арифметика, ее собственные завышенные мечты и фантазии. И абсолютно логичное, ожидавшее ее, глубокое разочарование в итоге.

Результат операции, проведенной докторами «Эстат Идеаль», в полной мере соответствовал прогнозам специалистов. Однако Элеонору Константиновну он огорчил так сильно, что она подала на клинику в суд. Тот, впрочем, решил дело в пользу профессора Васильева с коллегами.

Оскорбленная в лучших чувствах Элеонора Константиновна решила, что она этого так не оставит...

И снова я засиделась на работе.

Было уже 18:30, когда я дочитала документы и с треском захлопнула папку. Корешок у нее был шириной в ладонь, а обложка из картона фанерной плотности. Папочку этому «любопытному “Дельцу”» явно выдали на вырост — с учетом несомненного потенциала его бурного развития.

Я посмотрела на часы, потом в окно, затем в зеркальце пудреницы, извлеченной из сумки.

Циферблат укоризненно говорил что-то вроде: «Иди домой, иди домой».

Окно открывало дивный вид играющей отливом крыши на фоне заката.

Зеркальце фрагментарно показало тени под глазами, морщинку на переносице и недовольно искривленные губы.

— М-да, та еще красавица, — вздохнула я.

И, разумеется, вспомнила, что собиралась после работы съездить в клинику «Бьюти». А соответствующего желания у меня уже не было. Сейчас мне хотелось каким-нибудь чудесным образом перенестись домой, съесть чего-нибудь горячего и растянуться на диване.

Что делать?

Ответ, как это иногда бывает, пришел ко мне сам.

Сегодня он имел цветущий вид молодого здорового мужчины атлетического телосложения и звался лейтенантом Константином Сергеевичем Таганцевым.

— Тук-тук, кто там, это я, лейтенант Таганцев! — сам спросил и сам же ответил Константин Сергеевич, внедряясь в мой кабинет в привычном ему стиле средневекового барона, непринужденно штурмующего соседский замок.

Грохнула и жалобно застонала дверь, вздрогнули стены, мучительно скрипнул дощатый пол.

— А я мимо иду, вижу — окошко светится, думаю, дай загляну на огонек! — лирично поведал мне неожиданный посетитель, опускаясь на стул.

Тот пискнул и словно немного присел.

— Это тебе, Елена Владимировна, — на мой стол легла легка помятая шоколадка «Аленка». — Съешь тезку, жизнь станет слаще!

Шутка явно была из числа домашних заготовок, да и шоколадку, судя по ее кондиции, гость носил в кармане не один час. Загодя, стало быть, собирался ко мне с визитом вежливости.

Я растрогалась. Давно мне не дарили шоколадок! А Аленкой уже и не помню, когда называли.

— Спасибо, Костя, это очень кстати, — поблагодарила я, начиная лелеять коварные планы. — Мне как раз нужна помощь умного мужчины.

Таганцев с готовностью приосанился.

— Во-первых, ты умеешь управлять кофеваркой?

Таганцев сделал лицо, на котором ясно читалось, что он умеет управлять любыми полезными агрегатами в диапазоне от электробритвы до космического корабля.

— Диму я уже отпустила, а без него не могу сварить кофе, — пожаловалась я, для пущей убедительности образа милой беспомощной дурочки похлопав ресницами.

Хотя это чистая правда, я действительно не умею пользоваться нашей кофемашиной. Не потому, что она очень сложная, наоборот, это самая дешевая модель, дорогую мне не дали бы, наш Плевакин очень рачительно расходует бюджетные деньги. Вроде все элементарно просто: в одну емкость засыпаешь молотый кофе, в другую — заливаешь воду, нажимаешь кнопку и ждешь,

пока из правой дырочки потечет готовый напиток, а из левой выйдет пар.

Вот последнего-то я и боюсь! Выпуская дым столбом, наша кофемашина ревет и свистит, как настоящий паровоз. Присутствуй при этом братъя Люмьер, запросто сняли бы свое знаменитое «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» без пышашего ноздрями локомотива.

— Да какой вопрос, Елена Владимировна!

Таганцев с готовностью подскочил со стула. Тот скрипнул с отчетливым облегчением и быстро присобрал разъехавшиеся было ножки.

— Сейчас будет тебе хоть кофе, хоть чай с каковой!

Это тоже была заготовка, вернее, слегка искаженная цитата из «Бриллиантовой руки». Я улыбнулась, поощряя умного мужчину продолжать блистать остроумием и интеллектом.

Кофеварку он, надо признать, покорил с легкостью.

Через пять минут мы уже снова сидели и пили кофе, заедая мятой шоколадкой. Я слушала рассказ лейтенанта о его суровых буднях, мило улыбалась и думала: вспомнит ли Константин Сергеевич, что я начала просьбу о помощи с «вопервых»? И сообразит ли, что у меня есть как минимум «во-вторых»?

Вообще-то можно было и не миндальничать. Константин Сергеевич — золотой человек и давно уже стал для меня и. о. доброй феи с вол-

шебной палочкой-выручалочкой. Но это же не значит, что я могу встать и объявить: «Гражданин Таганцев, вы приговариваетесь к общественно полезным работам по извозу. Мне нужно съездить за семь верст киселя хлебать, заводите мотор!»

Пусть лучше Константин Сергеевич сам догадается, так нам обоим будет приятнее.

— А вчера один гражданин, Кривоносенко его фамилия, не поверишь, денег наелся! — оживленно повествовал Таганцев, деликатно загрохая в рот кусок «Аленки».

— Их у него куры не клевали? Девать было некуда? — спросила я, поддерживая светскую беседу.

Я уже решила, что попрошу доброго лейтенанта о второй услуге, и теперь выдерживала приличную дистанцию между запросами.

— Угадала! — Константин Сергеевич кивнул. — Он, Кривоносенко этот, решил ограбить супермаркет «Мир детства». Остался в зале до закрытия магазина, спрятался в большой коробке от электрического автомобиля, дождался, пока все уйдут, и вскрыл кассу. На его счастье, там было всего пятнадцать тысяч тремя купюрами по пять.

— Вряд ли грабитель расценил это как счастье, — вставила я.

— Поначалу-то да, — согласился младший лейтенант, энергично прихлебывая кофе, и сно-

ва потянулся за шоколадкой. — Но потом включилась сигнализация, гражданин Кривоносенко снова спрятался в коробку, ну, чтоб там, в коробке-то, стало быть, шухер переждать. А наряд приехал с собачкой поисковой. И пришлось гражданину Кривоносенко, пятерики сожрать, чтобы при нем не нашли ничего. Мол, не брал он никаких денег в кассе, вы че, мужики? Просто шутку такую затеял, розыгрыш: спрятался в коробке, чтобы потом выскочить и напугать симпатичную продавщицу, да не заметил, как уснул.

— Смешная история, — оценила я.

— Обхохочешься... — Тут добрый Таганцев погрустнел немного. — Для всех, кроме ребят в лаборатории. Ты представь, в каком виде к ним вещдоки поступят, это я про купюры.

Таганцев погрустнел и с некоторым сомнением посмотрел на подтаявший шоколад. Поколебался немного, но все-таки съел еще дольку.

Я представила те полупереваренные вещдоки, и есть мне расхотелось. Поэтому я решила, что пора уже озвучить просьбу номер два, и с прозрачным намеком спросила:

— Константин Сергеевич, ты же на машине? Скажи, а тебе Коломенское не по пути будет?

— Подвезти? — легко догадался опер.

— Если это вас не очень затруднит, — пролепетала я, как положено.

Впрочем, кто его знает, как именно положено-то!.. Вроде так лепетала одна киса в сериале.

Сериал я смотрела месяца три назад, на больничном.

— Моя ласточка в твоём распоряжении.

«Ласточка» Константина Сергеевича, а точнее — «Ладочка», весьма почтенного возраста — была не без дерзости припаркована у самого входа в здание суда. Это оказалось очень кстати: пошел дождь, а у меня не было с собой зонта, да и туфли-балетки не располагали к прогулке по лужам.

Устроившись в салоне машины, я сразу же осмотрительно пристегнулась. Мне уже доводилось кататься с Таганцевым. К его манере вождения у меня не было претензий, но белый конь моего рыцаря неприятно запомнился мне болезненно взбрыкивающим мустангом. Надо полагать, у владельца автомобиля нет ни камней в почках, ни пломб в зубах...

— Куда конкретно едем? — Возложив руки на руль, Константин Сергеевич улыбнулся мне во все тридцать два прекрасных, давно не знавших бормашины зуба.

— Секундочку, — я полезла в сумку за файлом с договором, который утром взяла у Натки, но за день так и не успела изучить. — Вот адрес...

— Щас обеспечим. — Таганцев завел адрес в навигатор, и мы бодро двинули.

Через пару минут мой водитель осторожно поинтересовался:

— А зачем тебе, Елена Владимировна, в клинику красоты? Ты и без того очень даже...

Тут суровый опер покраснел и смутился.

— Ты мне льстишь, Константин Сергеевич, — вздохнула я. — Но я тут ни при чем! Моя сестра имела несчастье очень неудачно там прооперироваться, и я хочу выяснить, нельзя ли ей хотя бы деньги вернуть.

— А что в договоре?

— Ну, что...

Я вытащила бумаги из файла, на пластике которого весело плясали блики дорожных огней, и начала читать вслух:

— «ООО «Идеаль Бьюти», именуемое в дальнейшем «Исполнитель», в лице генерального директора Боброва Виктора Григорьевича, действующего на основании Устава, с одной стороны...

— Вот мне всегда было очень интересно, почему это судьи тарахтят, как пулеметы? Ну, вот как ты сейчас! — спросил Таганцев, терпеливо дождавшись, пока я закончу сеанс не слишком выразительной читки. — «Постановлением суда... Именем Российской Федерации... Руководствуясь статьями Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации... Суд постановил... Туда-сюда, всяко-разно...».

— Потому что нам приходится очень много читать по материалам дела — выдержки, определения. — Я пожала плечами. — А участники процесса все это уже наизусть знают, и их интересует только статья и мера наказания.

— Так вы, судьи, наверное, в скороговорках сильны. Да, Елена Владимировна? — оживился Таганцев. — На дворе трава, на траве дрова, и всякое такое?

— Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали! — очередью выпустила я.

Константин Сергеевич восхищенно присвистнул и попытался повторить за мной, но его тридцать три корабля раз за разом терпели крушение. Потом мы вспомнили Сашу на шоссе, Греку через реку, Клару с кораллами — в общем, довольно весело скоротали дорогу до клиники.

Я опасалась, что она уже может быть закрыта, но напрасно: рядом с неоновой вывеской «Идеаль Бьюти» на фасаде выразительно светились цифры «24».

— У них тут круглосуточный прием? — восхитился Таганцев. — Ничего себе! Прямо энтузиасты этого дела! Так я с вами, может? Меня силиконовые дела тоже страсть как интересуют! Ну, в смысле, как мужчину!.. Не, в смысле, посмотреть, туда-сюда...

Я хихикнула, вылезла из авто и отвесила доброму оперу поясной поклон:

— Большое тебе спасибо, Константин свет Сергеевич! Сама пойду, чего мы станем такой делегацией людей пугать. Мне про деньги спросить, и дело с концом. Уезжай, поздно уже, дома ждут, небось.

— Всегда пожалуйста, Елена Владимировна! — важно, в тон мне, ответил Таганцев, но с места не трогался, пока я не вошла в здание.

— Дилинь-дилинь! — нежно тренькнул колокольчик, возвещая о моем появлении.

Я вошла, огляделась и принялась.

Хрустальный звук растаял в воздухе, тонко ароматизированном чем-то очень приятным и совершенно не напоминающим о медицине. Ваниль? Пачули? Я не узнала запах, но оценила его гармоничное сочетание с элегантным интерьером: светлое открытое пространство, пастельные тона, напольное покрытие из натуральной древесины, классические диваны с кремовой обивкой, бледно-розовые кожаные кресла...

Тут я невольно опустила глаза, посмотрев на свои розовые балетки — шут их знает, из кожи они были когда-то сделаны или из дерматина, но выглядели явно хуже здешних кресел. Хорошо, хоть по лужам сегодня не таскалась, так что обувь у меня была относительно чистой. Мне не хотелось нарушать... сияние и чистоту приемной.

Машинально обойдя стороной лужу света, я по кривой подошла к ресепшн и улыбнулась миллой девушке за стойкой:

— Добрый вечер. Могу ли я видеть Боброва Виктора Григорьевича?

— К сожалению, Виктора Григорьевича сейчас уже нет. А вы по какому вопросу?

— По юридическому, — ответила я уклончиво, раздумывая, не показать ли свое удостоверение.

Неэтично, конечно, хлопать корочками вне служебной надобности, но у Натки действительно серьезная проблема, хотелось бы ее решить...

— У юриста, к сожалению, рабочий день тоже уже закончился, но я могу пригласить к вам коммерческого директора, он как раз задержался в офисе, — предложила услужливая барышня.

— Приглашайте, — кивнула я.

— Присядьте, пожалуйста. — Холеной ручкой девушка указала мне на свободный диван.

На другом оживленно шушукались и хихикали, плясь в экран дорогого смартфона, две дамочки в спортивных костюмах, цвет, фасон и стоимость которых не предполагали никаких физкультурных упражнений.

Дамочки явно были из числа пациенток клиники. У одной из них физиономия была припушшая и с остаточными следами синяков, лицо другой было затейливо разрисовано маркером. Я поняла, что первая дамочка уже благополучно прооперирована, а второй это сомнительное удовольствие предстоит в ближайшее время. Интересно, тут и оперируют двадцать четыре часа в сутки, даже ночью? Вот это конвейер!

— Верочка, Оленька, вот вы где!

Незаметно появившийся красавец-мужчина в белоснежном халате шутливо погрозил болтушкам пальцем и с улыбкой обратился ко мне: